

УДК 81'23

Мазирка И.О.

Московский государственный областной университет

ОТ ПСИХОЛОГИИ ЯЗЫКА К ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ (К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ)

I. Mazirka

Moscow State Regional University

FROM PSYCHOLOGY OF LANGUAGE TO PSYCHOLINGUISTICS (HISTORY OF FORMATION)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием психолингвистики как особой научной дисциплины в связи с теми процессами, которые проходили в языкознании и психологии в конце XIX – первой половине XX столетия. Особое внимание уделено вопросу о так называемом антипсихологизме лингвистической мысли 20-х – 40-х гг. прошлого века. Отмечается, что определённые точки пересечения с психолингвистической проблематикой могли иметься и у концепций, традиционно рассматриваемых как антипсихологические, примером чего может служить разработка концепции актуального членения предложения в Пражской лингвистической школе.

Ключевые слова: психология, языкознание, психолингвистика, психологизм, антипсихологизм, актуальное членение предложения.

Abstract. The article covers the problems connected with formation of psycholinguistics as a separate scientific discipline in accordance with the processes which took place in linguistics and psychology at the end of the 19th and the first part of the 20th century. Special attention is paid to so called "anti-psychologism" of linguistics in the 20-40s of the previous century. It is stated that there may have been a definite junction between psycholinguistic conceptions and those that are traditionally studied as anti-psychological ones. For example, formation of conception of actual division of the sentence by the Prague School of Linguistics.

Key words: psychology, linguistics, psycholinguistics, psychologism, anti-psychologism, actual division of the sentence.

В настоящее время является общепризнанным, с одной стороны, превращение психолингвистики в одно из наиболее влиятельных и заметных направлений в мировой науке о языке, с другой – наличие в ней ряда школ и направлений, проявляющих, наряду со сходством, и определённую, порой весьма заметную специфику. Указанное обстоятельство, естественно, порождает достаточно большой интерес к истокам психолингвистики, поскольку именно исследование процессов, которые происходили при её формировании, в определённой степени обусловило дальнейшее развитие отдельных её течений.

Если постараться в нескольких словах подытожить наиболее распространённые взгляды на интересующий нас вопрос, то можно получить приблизительно следующую картину (см., в частности, раздел «Исторический очерк развития психолингвистики», написанный Т.Н. Ушаковой и Г.Т. Хухуни в учебнике «Психолингвистика» [11, 16-128]). Начиная с так называемого «нулевого этапа» (т. е. периода до создания психолингвистики как таковой), который восходит ещё к античности, обнаруживая отдельные аспекты соответствующей проблематики в «Грамматике Пор-Рояля», взглядах Г. Лейбница, Дж. Локка и, разумеется, В. фон Гумбольдта, авторы, что вполне естественно, уделяют особое внимание так называемому «лингвистическому психологизму», на котором мы считаем необходимым остановиться несколько подробнее.

Первая половина XIX в. – формирование эмпирической психологии Гербарта, одним из центральных положений которой являлось учение об апперцепции – слиянии представления с прошлым опытом. Одновременно в Англии – формирование ассоцианистской психологии, игравшей ведущую роль на протяжении длительного периода. «XIX век являлся веком триумфа ассоцианизма. Закон ассоциации рассматривался как основное явление душевной жизни... В ассоцианизме видели теорию, которую можно приложить к вопросам политики, морали, воспитания» [6, 182]. Всё это приводит к тому, что в начале интересующего нас отрезка времени «создаются объективные условия для выделения психологии в самостоятельную науку <...> всё чаще встречается мысль о необходимости самостоятельного, отдельного от философии и естествознания, в рамках которого зародилась психологическая мысль, развития психологии: этого требует специфика психических явлений» [6, 209].

Всё это, естественно, не могло пройти мимо влияния лингвистики, также переживавшей в эту эпоху бурный процесс формирования компаративистики (Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, А.Х. Востоков и др.), с одной стороны, и стремление выработать общетеоретическую концепцию относительно сущности, специфики и основных особенностей языка как особого феномена действительности – с другой (идеи В. фон Гумбольдта о связи языка с мышлением, влиянии первого на второе и учение о языке как выразителе «народного духа»). Закономерным итогом становится то, что можно назвать «первым пришествием» психологии в нашу науку – формирование *лингвистического психологизма*, или *психологии языка* Х. Штейнталя и М. Лацаруса, на которое опиралась или от которого отталкивалась научная мысль последующих десятилетий.

И тут сразу же выявилась одна довольно интересная особенность. Почти сразу же после его возникновения оказалось, что он отнюдь не представляет собой некоего единого течения. С одной стороны – в лице са-

мых основоположников, которых стали рассматривать как представителей «психологии языка» в собственном смысле слова – наблюдалось стремление трактовать язык в первую очередь как специфическое проявление этнопсихологии (*Völkerpsychologie*). С другой стороны, признание психических фактов в качестве решающего момента в развитии языка приводило к выдвиганию на передний план механизма представлений в сознании каждого отдельного человека (психологический индивидуализм). Наиболее последовательными в таком понимании психологизма стали младограмматики и прежде всего их крупнейший теоретик Г. Пауль.

Разумеется, в пределах каждого лагеря были свои, иногда довольно заметные размежевания по тем или иным проблемам. В. Вундт или А.А. Потембня отнюдь не повторяли в своих трудах положений Лацаруса и Штейнталя; отношение И.А. Бодуэна де Куртенэ к младограмматикам было достаточно сложным. Как заметили в этой связи авторы одного из наиболее крупных отечественных трудов по истории языкознания, «психологизм как принцип надо отличать от его конкретного воспроизведения в разных школах» [3, 386]. Тем не менее противопоставления психологизма коллективного психологизму индивидуалистическому указанное обстоятельство отнюдь не отменяло.

На первый взгляд, в какой-то степени парадоксальным выглядит то обстоятельство, что и Х. Штейнталь, и Г. Пауль, оба в какой-то степени исходили из наследия И. Гербарта. Первого (как и Лацаруса) историки психологии причисляют к ученикам Гербарта [6, 180, 206]; второй в полемике с Вундтом также указывал, что он опирается на психологию Гербарта, в то время как у Вундта наличествует собственная система взглядов (имеется в виду волюнтаристская психология, где на центральное место выступает не интеллект, а воля). С этим, вероятно, связано и то обстоятельство, что Пауль не только полемизирует со Штейнталем, но и в ряде случаев ссылается на него как на достаточно авторитетный источник, о чём свидетельствует, в частности, известный

фрагмент из «Принципов истории языка»: «Быть может, самым значительным успехом новейшей психологии является установление того факта, что множество психических процессов протекает бессознательно и что всё, что когда-либо возникало в сознании, остаётся деятельным фактором бессознательного. Это обстоятельство имеет величайшее значение и для языкознания и было широко использовано Штейнталем... По этому поводу я могу отслать к «Введению в психологию и языкознание» Штейнтала» [10, 207].

Основное же расхождение между ведущими представителями двух «психологизмов» можно подытожить словами авторов недавно вышедшего коллективного учебника по психолингвистике, о котором говорилось выше: «... Штейнталь и Лацарус сделали вывод о том, что в обществе возникают особые психологические условия, требующие специального изучения. Поэтому индивидуальная психология должна быть дополнена психологией народов, представляющей собой науку о народном духе. Последний пребывает в индивидуе и не имеет отдельного от него бытия. В нём происходят те же основные процессы, что и в духе индивиду; поэтому установленные Гербартом законы должны быть применены и для объяснения происхождения и развития языка в человеческом обществе...» [11, 56]. У Г. Пауля же ситуация выглядит принципиально иной: «Что же касается таких “метафизических понятий”, как “дух народа”, “психология народов” и т. п., которым отводилось такое большое место в концепции... Г. Штейнтала, то они категорически отвергаются Паулем: “... Нет сознания, кроме сознания отдельных индивидов, и ... о народном сознании можно говорить лишь метафорически в смысле большего или меньшего сходства явлений сознания у отдельных индивидов”. Отсюда следует, что единственной теоретической опорой изучения языка должна стать индивидуальная психология» [10, 60].

Именно на этом фоне авторами раздела рассматриваются взгляды Г. Штейнтала, В. Вундта, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра. Но

нельзя не увидеть, что при характеристике первой половины прошлого века (т. е., собственно говоря, как раз того периода, который и предшествовал непосредственно созданию собственно психолингвистики) ситуация несколько меняется: идёт относительно небольшой раздел (автор – Т.Н. Ушакова), посвящённый «чистым» психологам (И.П. Павлову, Б. Скиннеру и др.), после чего начинается рассмотрение уже непосредственно «этапов современной психолингвистики».

Нетрудно заметить, что, таким образом, складывается несколько парадоксальная картина: среди, фигурально выражаясь, “дедов” психолингвистики фигурируют имена многих выдающихся языковедов, но “отцами” её оказываются почти исключительно психологи... К слову, приблизительно аналогичным образом описывается данная ситуация и в соответствующем разделе («Психолингвистика в нашей стране») упомянутой выше коллективной работы (цитируемый ниже фрагмент принадлежит также Т.Н. Ушаковой): «Обращаясь к теме предшественников в нашей стране, принято и стало привычным указывать более близких и, в большей мере, психологически ориентированных авторов. Психолингвистические направления, развившиеся у нас, ссылаются на различных своих идейных предшественников. Чаще других в этом контексте называют имена психологов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и некоторых других» [11, 91]).

Подобный “психологический крен” вполне понятен: как известно, первая половина XX столетия считается (в целом вполне оправданно) эпохой «структуралистской парадигмы» в языкознании, для которой одной из наиболее характерных черт и признаётся не что иное, как «имманентизация» лингвистики.

Эту тенденцию в своеобразной форме отмечает и известная работа «Марксизм и философия языка», создававшаяся как раз в период формирования структуралистской парадигмы в языкознании, автором которой значился В.Н. Волошинов и в создании которой активное участие принимал М.М. Бахтин (подробнее о ней см. у В.М. Алпатова [2]): «Существо-

ет как бы своеобразная периодическая смена стихийного *психологизма*, затопляющего все науки об идеологии, и резкого *антипсихологизма*, отымающего у психики всё её содержание... В начале XX века мы как раз пережили резкую (но, конечно, далеко не первую в истории) волну антипсихологизма» [4, 37].

Если говорить об отдельных течениях собственно структурной лингвистики, то в Европе наиболее последовательный представитель «чисто структурного подхода» – создатель глоссематической концепции – Л. Ельмслев разрабатывает концепцию, согласно которой «от всех прочих наук лингвистика... совершенно независима. Связь лингвистики с психологией, социологией, акустикой и т. д. существует лишь в одну сторону: эти науки должны опираться на данные, получаемые в лингвистике, но не наоборот.

Тенденция к обособлению лингвистики, в той или иной степени свойственная всем направлениям структурализма, достигла в глоссематике предела» [1, 174]. В Америке крупнейший представитель дескриптивной лингвистики З. Харрис также «стремится ограничить и сузить проблематику лингвистики. Его уже не интересуют ни психология даже в бихевиористском её варианте, ни стимулы и реакции» [1, 205-206].

В этой связи представляется целесообразным напомнить, что именно бихевиористская психология стала той опорой, на которую опиралась психолингвистика во время своего «официального» формирования. Её основоположник Чарльз Осгуд также по своей специальности был, в первую очередь, психологом (в 60-е гг. прошлого века он являлся президентом Американского психологического общества). Да и в наши дни, хотя бихевиоризм «в чистом виде» фактически сошёл с научной арены полвека назад, подавляющее большинство психолингвистических трудов использует ту самую методику ассоциативного эксперимента «стимул – реакция», которую довели до совершенства и применяли именно представители данного направления. Об этом писал в своё время крупнейший представитель отечественной

психолингвистики, создатель Московской психолингвистической школы А.А. Леонтьев: «... Психолингвистика <...> органически входит в систему психологических наук <...> Как психологическая наука психолингвистика «унаследовала» методы психологии и в то же время развила свои собственные методы <...> В психолингвистике чрезвычайно распространены разного рода ассоциативные методики» [7, 20, 73, 75].

С этой точки зрения, в момент своего становления психолингвистика действительно могла осознаваться как дисциплина, противопоставившая себя дескриптивной лингвистике (о чём, кстати, в те годы писало немало авторов). Однако нельзя не учитывать и другой стороны вопроса – той роли, которую сама бихевиористская психология сыграла в формировании дескриптивной лингвистики (достаточно вспомнить, какое место занимает она в книге Л. Блумфилда «Язык», ставшей своего рода Библией этого направления). Да и в европейской науке одним из источников создания лингвистического структурализма, как известно, стала **гештальт-психология** (от нем. *Gestalt* – образ, форма, целостность), возникшая в Германии в начале XX в. Её представители – **М. Вертгеймер** (1880–1943), **В. Кёлер** (1887–1967), **К. Коффка** (1886–1941) – исходили из того, что первичными и основными элементами психики являются целостные психические структуры – гештальты, формирование которых подчинено внутренним имманентным законам. Весьма позитивно оценивали многие представители структурализма и психологическую по своей сущности концепцию К. Бюлера (достаточно вспомнить, сколь высокую оценку давал ему Н.С. Трубецкой).

Наконец, в этой связи заслуживает внимания разработанная В. Матезиусом и получившая большой отклик в языкознании XX столетия концепция актуального членения предложения (на что, как нам кажется, далеко не всегда обращается должное внимание), на связь которой с психологическими теориями предложения (выделением в нём психологического субъекта и психологического

предиката) указывал и её создатель, с сожалением отмечая: «Психологическая окраска обоих терминов привела... к тому, что вся эта проблема была вытеснена из поля зрения официальной лингвистики. Есть о чём пожалеть, ибо как раз отношение между актуальным и формальным членением предложения – одно из самых характерных явлений в каждом языке» [8, 240].

С другой стороны, нельзя недооценивать и той роли, которую сыграли в самом формировании психолингвистики учёные, вышедшие из рядов дескриптивного языкознания. Напомним, в этой связи, саму историю формирования данной дисциплины. «Летом 1951 года американские лингвисты и психологи организовали первый совместный семинар в Корнельском университете, на котором было объявлено о создании Комитета по лингвистике и психологии, во главе которого встал Ч. Осгуд. С тех пор эта дата считается датой рождения психолингвистики как самостоятельного научного направления. По итогам работы второго подобного семинара, состоявшегося летом 1953 года, был выпущен первый совместный сборник «Psycholinguistics. A survey of theory and research problems» (1954) под редакцией Ч. Осгуда и Т. Сибеока, в котором были описаны три источника новой науки: теория коммуникации К. Шеннона, дескриптивная лингвистика Дж. Гринберга и необихевиористская психология Ч. Осгуда» [12].

В связи с упоминанием имени Дж. Гринберга заметим, что названный учёный, причисленный здесь к дескриптивистам, с одной стороны, известен как один из авторов «Меморандума о языковых универсалиях», в определённой степени соприкасающихся с психолингвистической проблематикой. Но, с другой стороны, говоря о собственно лингвистических проблемах, он отмечал, что, отнюдь не считая необходимым «подчинение лингвистики психологической или какой-либо другой нелингвистической науке», он вместе с тем считает, что «работу в этом направлении могут вести лингвисты и психологи в сотрудничестве или самостоятельно», чем и объясняется «особое внимание, которое... уделяли

психологии как источнику самых высоких по уровню объяснительных закономерностей для языковых обобщений» [5, 202].

Таким образом, можно констатировать, что возникновение психолингвистики было не только реакцией на «антипсихологизм» структуралистического языкознания, но и в определённой степени реализацией некоторых присущих ей тенденций. В этой связи можно вновь обратиться к работе «Марксизм и философия языка», авторы которой предрекали: «В настоящее время волна антипсихологизма начинает спадать. На смену ей приходит новая... волна психологизма» [4, 38].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учебн. пособие. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
2. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005. 432 с.
3. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учебн. пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 672 с.
4. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке (М.М. Бахтин). М.: Лабиринт, 1993. 194 с.
5. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс. М.: Едиториал УРССС, 2004. 224 с.
6. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней: Учебник для вузов. М.: Академический проект, 2004. 576 с.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
8. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 239-245.
9. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке: Учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 376 с.
10. Пауль Г. Принципы истории языка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 199-217.
11. Психолингвистика: Учебник для вузов / Под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: ПЕР СЭ, 2006. 416 с.
12. Психолингвистика. [Электронный ресурс]. URL: www.lomonosovfund.ru/enc/ru/encyclopedia:01126:article#история%20психолингвистика (дата обращения: 21.08.2011).